С.А. Ткаченко

Интеграция и наднационализм: правовая форма на региональном уровне

Формирование права — это длительный исторический процесс, который проходит ряд этапов. Исходным звеном в сложном процессе формирования правовых систем выступает так или иначе идеологизированное выражение интеграционных процессов различного уровня, через которые обеспечивается согласование социально оправданной свободы конкретной личности и интересов культурно-исторической общности, в рамках которой она функционирует. Данный подход находит развитие в настоящей статье через раскрытие наднационального уровня формирования правовых систем.

Ключевые слова: право; правовая система; формирование правовой системы. правовой генезис; интеграционные процессы; экономическая интеграция.

Анализ научных публикаций последних лет позволяет выделить основную цель научного интереса к правовым проблемам наднациональной интеграции и основные сферы его реализации. Не может вызывать сомнения то обстоятельство, что возросшее в России внимание к вопросам наднациональной интеграции, в первую очередь регионального уровня, обусловлено интенсификацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве и в первую очередь в рамках Евразийского экономического сообщества / Евразийского экономического союза / Таможенного союза. Соответственно именно данная сфера стала предметом подавляющего количества научных исследований, связанных с правовыми аспектами наднациональной интеграции. Также интерес представляют еще два региона, в которых интеграционные процессы имеют высокую степень интенсивности. В первую очередь речь идет о европейской интеграции. Но в последние годы внимание научной общественности привлек также Азиатско-Тихоокеанский регион.

Научный интерес к правовым проблемам наднациональной региональной интеграции уходит своими корнями в советскую юриспруденцию, в рамках которой эта проблематика разрабатывалась применительно к социалистическому лагерю, в первую очередь в части функционирования Совета экономической взаимопомощи, и латиноамериканскому региону.

Рассмотрение правовых форм участия Российской Федерации в наднациональной интеграции требует остановиться на отдельных аспектах современного социально-экономического положения России, без учета которых правовая проблематика раскрыта быть не может.

Одной из основных причин современной кризисной ситуации в национальной экономике России является катастрофическая недофинансированность ее реального сектора. Эта проблема возникла еще до введения американских и европейских санкций, связанных с ситуацией на Украине, и имеет структурный характер. Уже на протяжении длительного времени инвестиционная структура, сложившаяся в российской экономике, такова, что объем инвестиций, направляемых на добычу углеводородов, превалирует настолько, что становится несопоставим с капитальными затратами, идущими на развитие иных отраслей. К тому же в иных отраслях реального сектора наибольший объем инвестиций приходится на транспорт и связь: более 1/5 всех инвестиций в российский основной капитал. За транспортом и связью следуют операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг. Данная тенденция является устойчивой и сохраняется в настоящее время [4]. При этом источником инвестиций, как правило, выступает само государство, в то время как действительное экономическое развитие в условиях рыночной экономики возможно только при совместном инвестировании государства и частных лиц.

В это же время частный капитал вместо того, чтобы своими инвестициями обеспечить рост национальной экономики, выводится из страны. Если обратиться к платежному балансу Российской Федерации, то видно, что начиная с 2008 года по частному сектору фиксируется чистый вывоз капитала. Тенденция эта усиливается во время обострения кризисных проявлений в национальной экономике и сокращается при их ослаблении: в 2008 году вывезено 133,6 млрд руб.; в 2009 году — 57,5 млрд руб.; в 2010 году — 30,8 млрд руб.; в 2011 году — 81,4 млрд руб.; в 2012 году — 5,9 млрд руб.; в 2013 году — 61,0 млрд руб.; в 2014 году — 151,5 млрд руб. [7].

Отток капитала за границу является хоть и основным, но далеко не единственным направлением ухода финансовых ресурсов из реального сектора экономики. Вторым значимым направлением выступает «перетекание» капитала из реального сектора экономики в финансовый сектор, где свободные денежные средства способствуют возникновению «финансовых пузырей» или используются для валютных спекуляций (крупномасштабные валютные спекуляции приходились на февраль 2009 года и декабрь 2014; в течение 2015 года на внутреннем валютном рынке шесть раз складывались обстоятельства, свидетельствующие о спекулятивном характере торгов).

Ошибочно было бы считать, что интеграционные процессы регионального и глобального уровней характерны только для современного периода. Можно не принимать во внимание события древней и средневековой истории в силу неполной и недостаточно достоверной информации о них. Хотя только отечественная история содержит интересные факты, свидетельствующие о интенсивных экономических и культурных связях нашей страны с другими странами, носящих интеграционных характер. Так, например, средневековая Русь длительное время не имела собственной монеты. Соответствующий период даже получил характерное название «безмонетного». Однако отметим, что к этому

времени и к предшествующим векам относятся многочисленные клады арабских монет (преимущественно куфических дирхемов), которые находят на ее территории. Масса отдельных из них достигает сотен килограмм. В этой связи известный отечественный экономист и нумизмат И.Г. Спасский писал: «Количество открытых на Руси кладов восточных монет огромно. Высказывалось и такое мнение, что многочисленные клады дирхемов на Руси… лишь служат свидетельством транзита через ее территорию, и что зарывание их “на торговых путях” имело будто бы чисто вынужденный характер в опасной обстановке путешествий через Русь восточных купцов, направлявшихся на Запад. Если сторонники этого странного мнения сравнят количество кладов, открытых на территории Руси и за ее западными рубежами, им ничего не останется, как признать, что, по крайней мере, половина этих купцов зарывала свои сокровища по дороге, и весь вопрос сведется к тому, на какой день пути упрямым путешественникам предстояло это сделать… Однако в действительности дело обходилось без разбойничьих засад, погонь и прочей романтики, да и без самих восточных купцов…, древние восточные авторы, хорошо знавшие город Булгар, о подобных путешествиях почти ничего не сообщают» [9: с. 21].

Древняя история также представляет примеры интеграционных процессов — Ахейский, Коринфский, Афинский морской, Пелопонесский и другие военно-политические союзы греческих полисов, Латинский и другие союзы на Апеннинском полуострове [2: с. 304–513].

Европейские и американские исследователи справедливо указывают на то, что региональная и глобальная интеграции современного типа началась в середине XIX века, чему способствовали промышленная революция и установление золотого стандарта [14; 16: с. 148–149; 18; 25].

В это время крупные государства (великие державы, согласно терминологии Венского конгресса) стали стремиться к созданию новых организационно-правовых форм взаимодействия с другими субъектами международных отношений. Данная потребность обусловила возникновение наряду с суверенными государствами производных субъектов международного права, предназначенных для выработки общих принципов, целей и задач межгосударственного сотрудничества: Центральная комиссия по судоходству на Рейне (1815), Северный почтовый союз (1869), Всемирный почтовый союз (1874), Международное бюро мер и весов (1875), Международный союз по охране литературных и художественных произведений — Бернский союз (1886), Специальный союз по международной регистрации знаков — Мадридский союз (1891), Гаагская конференция по международному частному праву (1893) и др. [3: с. 58–74]. XX век начался с создания наднациональных структур, обеспечивающих не только экономическую интеграцию, а преследующих в качестве основной цели обеспечение мира и международной безопасности. После Первой мировой войны наиболее значимой из них стала Лига Наций. С окончанием Второй мировой войны связано создание действующей до настоящего времени Организации Объединенных Наций.

Вторая половина прошлого и начало текущего веков характеризуются тенденцией, в соответствии с которой национальные правительства по всему миру систематически делегируют свои полномочия международным организациям, специализирующимся в различных сферах международного сотрудничества. По мере развития системы международных отношений появилась необходимость делегирования отдельных исполнительских полномочий суверенных государств международным организациям технократического специализированного типа [10: с. 23]. В юридическом дискурсе такие организационные структуры, получившие название международных межправительственных организаций, пережили сложный период становления и развития: от принципиального отрицания до полного признания их международно-правовой субъектности в международном праве [6: с. 5–7]. Концепция таких организаций и соответствующих им правовых систем начала формироваться в первой половине прошлого века в рамках исследований европейских специалистов в области международного права и международных отношений, разрабатывавших теорию развития международных функций в праве и в правоотношениях и получивших общее название «функционализм» [11; 20]. Особое значение для появления таких организационно-правовых форм, являющихся выражением субординации и координации в международном праве, имеет интеграция как условие интернационализации экономических связей.

Такая интеграция влечет широкое использование опробованных средств, которые еще в XIX веке применялись в Европе при создании суверенных национальных государств (к примеру, Италии, Германии и др.). Данный процесс привел в конечном счете к институциализации европейской интеграции в целом и юридическому обоснованию нового типа международных организаций и правовых систем — наднациональных, имеющих уже конкретную компетенцию, включающую, в том числе те функции, которые прежде считались исключительной составной частью суверенной компетенции национальных государств. В этой связи следует согласиться с профессором Вейлером, который подчеркивает, что международная институциональная революция привела к появлению у наднациональных институтов возможности проводить свою волю в государствах — членах международных организаций, не обращаясь к институтам национального права [26: с. 267–281].

Опыт XIX века свидетельствует о том, что такая глубокая интеграция имела место только в тех случаях, когда шел процесс формирования национальных государств, и более сильные государства (например, Пруссия, Пьемонт) стремились подчинить себе более слабых. В результате уже в прошлом веке основой критики концепции наднациональных структур стало их противоречие краеугольному основанию современного права (как международного, так и национального) — государственному суверенитету (верховенству и независимости власти государства) [5: с. 14–15]. Однако действительные возражения сторонников наднационализма состоят в том, что передача суверенных полномочий является результатом свободного волеизъявления государства

и объективно обусловлена необходимостью, вызванной потребностями интеграции экономической жизни в условиях расширяющейся глобализации.

Информационная революция, начавшаяся в 60–70-е годы прошлого века, превращает государственные границы в весьма условные пределы, и для того чтобы национальные охранительные средства не утратили эффективности, суверенные национальные государства должны избрать такие организационно-правовые формы, которые позволили бы опосредовать общее правовое поле на едином экономическом пространстве на основе унифицированных правил и наднациональных правовых систем. Следует подчеркнуть, что успешная глобальная и региональная интеграция может быть обеспечена через развитие наднациональных правовых систем, включающих в себя соответствующие охранительные средства, реализация которых невозможна без появления и функционирования наднациональных судебных органов. Успешный опыт формирования наднациональной судебной системы имеет Европа, где многочисленные общеевропейские суды обеспечивают дальнейшую политическую и экономическую интеграцию, возникновение принципиально новых форм общего рынка и политической общности [21; 24].

Региональное сотрудничество развивается под влиянием множества факторов, в первую очередь экономических. Установление природы региональных интеграционных образований и соответствующих правовых систем немыслимо без четкого доктринального определения понятия «регион». Отечественная наука данный вопрос практически обходит. Вместе с тем за рубежом он занимает ведущее место в рамках как общей теории, так и международного права. Отдельные авторы сходятся на том, что регион представляет собой однородную территорию с физическими и культурными характеристиками, отличающимися от соседних территорий [22: с. 171–193; 23: с. 303–316]: «…пространственная парциальная единица среднего размера посреднического характера, чей материальный субстрат основывается на территории…» [22: с. 181]. В данном понятии ключевой является дефиниция «территории», под которой понимается исторический продукт социально-политического развития, определяющий и обосновывающий политические и социальные границы, которые изменяются во времени под воздействием права [22: с. 182]. Функционально регион обеспечивает горизонтальное взаимодействие, т. е. в его рамках реализуется метод координации. В то же время в его пределах могут функционировать международные организации (например, АСЕАН, МЕРКОСУР, НАФТА, ЕС, ЕАЭС, ССАГПЗ и др.), что влечет построение субординационных связей.

В рамках регионализма развивается два течения, которые условно могут быть обозначены как закрытое и открытое. В первом случае регион рассматривается как замкнутая система, нацеленная на ускорение региональной интеграции через обособление в ущерб глобализации [19: с. 331]. Как следствие, в таких образованиях возникают квазинациональные правовые системы, обеспечивающие унификацию и гармонизацию внутреннего законодательства, что трактуется как отрицание процессов глобализации. Во втором

случае акцент делается на механизмы унификации и гармонизации применения права, не противоречащего международным правовым принципам [12: с. 545–565]. Таким образом, закрытый регионализм предполагает развитие субординационных инструментов, а открытый — координационных.

Толчок к развитию учения о регионе как экономическом, политическом, культурном и правовом феномене был дан возникновением Всемирной торговой организации (далее — ВТО), которая в настоящее время олицетворяет собой современную модель глобализации. При этом региональные интеграционные соглашения должны находиться не в противоречии с универсальными соглашениями и организациями, такими как ВТО [27: с. 671–699]. В таком контексте регионализм представляет собой определенный тип торговых соглашений, охватывающий двух или более, но не всех членов ВТО. Региональные соглашения формально противопоставляются глобальным. Однако они приобретают смысл только в рамках процессов, связанных с ВТО [13: с. 13]. Создание и расширение региональных соглашений отражается в самой правовой системе ВТО. Так, в ст. XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле[1] и ст. V Генерального соглашения по торговле услугами[2] постулируется необходимость контроля ВТО за развитием региональных торговых соглашений в духе свободной торговли. Эти положения являются правовой моделью, определяющей создание и функционирование региональных правовых систем [17: с. 278–282].

Стремление к расширению роли региональных организаций и соответствующих правовых систем обозначилось еще в международно-правовых актах начала прошлого века. Так, в ст. 21 Статуса Лиги Наций предусмотрено, что «…международные обязательства, такие как договоры о третейском разбирательстве и ограниченные пределами известных районов соглашения, а также доктрина Монро, которые обеспечивают сохранение мира, не рассматриваются как несовместимые с каким-либо из постановлений настоящего Статута…»[3]. После Второй мировой войны роль региональных объединений была закреплена в гл. 8 Устава Организации Объединенных Наций, определившей порядок и условия взаимодействия ООН с региональными институциями[4].

История евразийской экономической интеграции началась в 1995 году, когда между Российской Федерацией и Белоруссией был заключен Договор о создании Таможенного союза, к которому чуть позже присоединился Казахстан. Далее, в 1996 году, правовая основа интеграции на постсоветском пространстве была расширена путем заключения Договора об углублении интеграции

---

[1] Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ 1947) // СЗ РФ. 2012. № 37 (Ч. 4, прил.). С. 2916–2991.

[2] Генеральное соглашение по торговле услугами // СЗ РФ. 2012. № 37 (Ч. 4, прил.). С. 2785–2817.

[3] Мирный договор между Союзными и Объединившимися державами и Германией. (Версаль. 28 июня 1919 года) // Версальский мирный договор. М., 1925. 47 с.

[4] См.: Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско. 26 июня 1945 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

в экономической и гуманитарной областях, который вместе с тремя названными государствами также подписала Киргизия. Еще три года спустя, в 1999 году, Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (ЕЭП) был подписан уже пятью государствами — присоединился Таджикистан. В 2000 году в соответствии с Договором об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) эти пять стран создают новое интеграционное объединение и формируют целый ряд евразийских интеграционных и рабочих органов различного уровня (Межгосударственный совет на уровне глав государств и глав правительств, Интеграционный комитет и его Секретариат, Межпарламентская ассамблея, Комиссия постоянных представителей). Правовое опосредование интеграционных процессов в Евразии продолжилось только в 2008 году, когда Россия, Казахстан и Белоруссия принимают решение о создании Таможенного союза на основе ЕврАзЭС. Данное решение было реализовано в 2010 году, а уже 9 декабря этого же года главы государств — членов Таможенного союза объявили о намерении создать Евразийский экономический союз, который бы обеспечил гармоничное, взаимодополняющее сотрудничество с другими странами и международными экономическими объединениями, с перспективой создания общего экономического пространства.

Развитие евразийской интеграционной модели осуществлялось первоначально в рамках Таможенного союза: (1) в кратчайшие сроки был сформирован единый таможенно-тарифный механизм; (2) обеспечено единство таможенной территории, на общие границы которой вынесен таможенный контроль; (3) большинство ограничений, связанных с движением товаров, в Таможенном союзе устранено. В процессе создания Таможенного союза был принят пакет из семнадцати соглашений, содержание которых направлено на гармонизацию условий хозяйствования на территории ЕАЭС. Кроме того, унифицированы национальные таможенные законодательства государств-членов на основе международного договора — Таможенного кодекса Таможенного союза от 27 ноября 2009 года, вступившего в силу с 1 июля 2010 года. 29 мая 2014 года в Астане был подписан договор о Евразийском экономическом союзе. В отличие от Таможенного союза, предназначенного для обеспечения свободного движения товаров, ЕАЭС способствует решению проблем, связанных с обеспечением (1) свободного движения капитала, услуг, рабочей силы; (2) проведения согласованной макроэкономической политики; (3) гармонизации и унификации национальных правовых систем в области финансово-кредитной, налоговой, инвестиционной, конкурентной и антимонопольной политики. В рамках евразийской интеграционной модели на наднациональном уровне такие цели были поставлены еще в рамках ЕврАзЭС.

Формирование общего правового поля на территории ЕАЭС возможно исключительно при условии формирования единой, внутренне не противоречивой наднациональной правовой системы данного союза, а также при обеспечении ее согласованности с национальными гражданскими, административными, финансовыми законодательствами государств-членов. Такая

унификация должна носить не только межуровневый, но также и межотраслевой характер.

Российская Федерация и другие государства — члены ЕАЭС одновременно включились в два интеграционных процесса — региональный (собственно ЕАЭС) и глобальный (ВТО). В этой связи необходимо отметить, что возможности Российской Федерации в этой сфере ограничены Приложением № 1 к Протоколу от 16 декабря 2011 года «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года», установившим перечень специфических обязательств нашей страны, связанных с различными видами доступа на рынок и иными формами коммерческого присутствия, кроме создания юридического лица. Следует отметить, что эти ограничения имеют своей целью упорядочить международную торговлю, в том числе через коммерческое представительство в других государствах — членах ВТО. На национальном уровне содержание понятия «коммерческое присутствие» раскрыто в Федеральном законе от 8 декабря 2003 года № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», в соответствии с которым под таким присутствием понимается любая непротиворечащая законодательству Российской Федерации или законодательству иностранного государства форма организации предпринимательской и иной экономической деятельности иностранного лица на территории Российской Федерации или российского лица на территории иностранного государства в целях оказания услуг, в том числе путем создания юридического лица, филиала или представительства юридического лица либо участия в уставном (складочном) капитале юридического лица. Российское юридическое лицо, через которое осуществляется коммерческое присутствие, рассматривается как иностранный исполнитель услуг, если иностранное лицо (иностранные лица) в силу преобладающего участия в уставном (складочном) капитале российского юридического лица либо в соответствии с заключенным между ними договором, либо иным образом имеет возможность определять решения, принимаемые российским юридическим лицом.

Приведенная норма национального права Российской Федерации соответствует ГАТС, согласно ст. 28 которого юридическим лицом другого члена ВТО является не только юридическое лицо, учрежденное по законодательству такого другого члена, но и юридическое лицо (в случае поставки услуги посредством коммерческого присутствия), принадлежащее или контролируемое физическими или юридическими лицами этого члена ВТО. При этом юридическое лицо является: «принадлежащим» лицам члена ВТО, если более чем 50 % доли участия в нем реально владеют лица этого члена; «контролируемым» лицами члена ВТО, если такие лица имеют полномочия назначать большинство его директоров или иным образом законно направлять его деятельность; «связанным» с другим лицом, если оно контролирует или контролируемо таким другим лицом; или, если оно и другое лицо оба контролируются тем же лицом. Перечень специфических обязательств России по отношению к ВТО по многим видам

услуг (юридическим, бухгалтерским, относящимся к налоговому консультированию, услуги в области рыболовства и др.) предусматривает только одну форма коммерческого присутствия — российское юридическое лицо.

Следует подчеркнуть, что в интересах обеспечения национальной безопасности отдельные нормы об ограничениях для иностранных инвесторов должны распространяться и на организации, созданные на российской территории, но находящиеся под контролем иностранного лица. Соответствующее положение содержится в Федеральном законе от 29 апреля 2008 года № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», в котором предусмотрено, что иностранными инвесторами признаются также находящиеся под контролем иностранных инвесторов организации, в том числе созданные на территории Российской Федерации. По данному закону российские организации, подконтрольные иностранным инвесторам, смогут совершать сделки, приводящие к установлению контроля над стратегическими обществами в установленном данным Законом порядке, то есть с согласия Правительственной комиссии.

Литература

1. *Беккер К.* Древняя история. М.: Альфа-книга, 2012. 981 с.

2. Всемирная история: в 6 т. М.: Наука, 2011. Т. 1. 882 с.

3. *Зайцева О.П.* Возникновение и развитие международных организаций // Вопросы истории. 1976. № 2. С. 58–74.

4. Инвестиции в России. 2015: статистический сборник / Росстат. М.: Росстат, 2015. 190 с.

5. *Моравецкий В.* Функции международной организации. М.: Прогресс, 1976. 191 с.

6. *Нешатаева Т.Н.* Международные организации и право. М.: Дело, 1998. 301 с.

7. Платежный баланс Российской Федерации // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx? file=credit_statistics/capital_new.htm (дата обращения: 14.11.2015).

8. Право Европейского союза: учебник / под ред. С.Ю. Кашкина. 3-е изд. М.: Юрайт, 2010. 371 с.

9. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. Л.: Изд-во государственного Эрмитажа, 1970. 211 с.

10. *Шибаева Е.А.* Право международных организаций. М.: Международные отношения, 1986. 237 с.

11. A working peace system. London, 1943. 191 p.

12. *Bergsten C.F.* Open Regionalism // The World Economy. 1997. V. 20. № 5. P. 545–565.

13. *Carpenter Th.* A historical perspective of regionalism // Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System / ed. by R. Baldwin, P. Low. Cambridge, 2009. P. 11–28.

14. *Foner Er.* Reconstruction: America's unfinished revolution, 1863–1877. Harper Collins, 2002. 671 p.

15. France and the Economic development of Europe (1800–1914). Routledge, 2000. 500 p.

16. Great Depression of 1873–1896 // Business cycles and depressions: an encyclopedia. New York: Garland Publishing, 1997. P. 148–49.

17. *Hirsh M.* The Sociology of International Economic Law: Sociological Analysis of the Regulation of Regional Agreements in the World Trading System // European Journal of International Law. 2008. V. 19. № 2. P. 278–282.

18. *Hobsbawm Er.* The Age of Empire (1875–1914). New York: Vintage Books, 1989. 557 p.

19. *Hurrell A.* Explaining the resurgence of regionalism in world politics // Review of International Studies. 2009. V. 21. № 4. 491 p.

20. *Mitrani D.* The functional theory of politics. London, 1975. 375 p.

21. *Pollac M.A.* The engines of European integration: delegation, agency and algela setting in the EU. Oxfordpress, 2003. 191 p.

22. *Schmitt-Egner P.* The Concept of «Region»: Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction // Journal of European Integration. 2002. V. 24. № 3. P. 171–193.

23. *Sehgal S.* The Evolution of NAFTA: An Experience in Regionalism // India Quarterly: A Journal of International Affairs. 2011. V. 66. № 3. P. 303–316.

24. *Steiner J., Woods L.* EU Law. Oxford press, 2009. 700 p.

25. *Tylecote An.* The long wave in the world economy. Routledge, 1993. 448 p.

26. *Weiler I.A.H.* The community system: the dual character of supranationalism // Yearbook of European law. 1981. № 1. P. 267–281.

27. *Zahrnt V.* How Regionalization can be a Pillar of a More Effective World Trade Organization // Journal of World Trade. 2005. V. 39. № 4. P. 671–699.

Literatura

1. *Bekker K.* Drevnyaya istoriya. M.: Al'fa-kniga, 2012. 981 s.

2. Vsemirnaya istoriya: v 6 t. M.: Nauka, 2011. T. 1. 882 s.

3. *Zajceva O.P.* Vozniknovenie i razvitie mezhdunarodny'x organizacij // Voprosy' istorii. 1976. № 2. S. 58–74.

4. Investicii v Rossii. 2015: statisticheskij sbornik / Rosstat. M.: Rosstat, 2015. 190 s.

5. *Moraveczkij V.* Funkcii mezhdunarodnoj organizacii. M.: Progress, 1976. 191 c.

6. *Neshataeva T.N.* Mezhdunarodny'e organizacii i pravo. M.: Delo, 1998. 301 s.

7. Platezhny'j balans Rossijskoj Federacii // Oficial'ny'j sajt Central'nogo banka Rossijskoj Federacii URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx? file=credit_statistics/capital_new.htm (data obrashheniya: 14.11.2015).

8. Pravo Evropejskogo soyuza: uchebnik / pod red. S.Yu. Kashkina. 3-e izd. M.: Yurajt, 2010. 371 s.

9. *Spasskij I.G.* Russkaya monetnaya sistema. L.: Izd-vo gosudarstvennogo E'rmitazha, 1970. 211 s.

10. *Shibaeva E.A.* Pravo mezhdunarodny'x organizacij. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1986. 237 s.

11. A working peace system. London, 1943. 191 p.

12. *Bergsten C.F.* Open Regionalism // The World Economy. 1997. V. 20. № 5. P. 545–565.

13. *Carpenter Th.* A historical perspective of regionalism // Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System / ed. by R. Baldwin, P. Low. Cambridge, 2009. P. 11–28.

14. *Foner Er.* Reconstruction: America's unfinished revolution, 1863–1877. Harper Collins, 2002. 671 p.

15. France and the Economic development of Europe (1800–1914). Routledge, 2000. 500 p.

16. Great Depression of 1873–1896 // Business cycles and depressions: an encyclopedia. New York: Garland Publishing, 1997. P. 148–49.

17. *Hirsh M.* The Sociology of International Economic Law: Sociological Analysis of the Regulation of Regional Agreements in the World Trading System // European Journal of International Law. 2008. V. 19. № 2. P. 278–282.

18. *Hobsbawm Er.* The Age of Empire (1875–1914). New York: Vintage Books, 1989. 557 p.

19. *Hurrell A.* Explaining the resurgence of regionalism in world politics // Review of International Studies. 2009. V. 21. № 4. 491 p.

20. *Mitrani D.* The functional theory of politics. London, 1975. 375 p.

21. *Pollac M.A.* The engines of European integration: delegation, agency and algela setting in the EU. Oxfordpress, 2003. 191 p.

22. *Schmitt-Egner P.* The Concept of «Region»: Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction // Journal of European Integration. 2002. V. 24. № 3. P. 171–193.

23. *Sehgal S.* The Evolution of NAFTA: An Experience in Regionalism // India Quarterly: A Journal of International Affairs. 2011. V. 66. № 3. P. 303–316.

24. *Steiner J., Woods L.* EU Law. Oxford press, 2009. 700 p.

25. *Tylecote An.* The long wave in the world economy. Routledge, 1993. 448 p.

26. *Weiler I.A.H.* The community system: the dual character of supranationalism // Yearbook of European law. 1981. № 1. P. 267–281.

27. *Zahrnt V.* How Regionalization can be a Pillar of a More Effective World Trade Organization // Journal of World Trade. 2005. V. 39. № 4. P. 671–699.

S.A. Tkachenko

Integration and Supernationalism: Legal Form at the Regional Level

Formation of the law is a long historical process, which takes a number of steps. The initial step in the complex process of the formation of the legal system is ideology-driven expression of integration processes at various levels, by means of which the coordination of socially justified freedom of the individual and the particular interests of the cultural and historical community in which it operates is ensured. This approach is developed in this article through the opening of a superanational level of formation of legal systems.

Keywords: right; legal system; the formation of the legal system; legal genesis; integration processes; economic integration.